

О ЖЕНЩИНАХ, НЕЖНОСТИ И НУЖНОСТИ В ПАРОНИМИЧЕСКИХ ФОРМУЛАХ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

OLGA I. SEVERSKAYA

ZHENSCHINA 'WOMAN', NEZHNOST' 'TENDERNESS' AND NUZHNOST' 'NEEDINESS'
IN THE PARONYMIC FORMULAS OF RUSSIAN POETRY

**Ольга Игоревна
Северская**

Кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник

► oseverskaya@yandex.ru

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН

121352, Россия, Москва, ул. Волхонка, 18/2

Olga I. Severskaya

Vinogradov Russian Language Institute
18/2, ul. Volkhonka, Moscow, Russia, 121352

Статья посвящена паронимическим лексико-семантическим парадигмам и появляющимся в поэтических текстах устойчивым сочетаниям паронимов-аттрактантов, которые можно назвать «формульными». Автор определяет паронимию как системное языковое явление сближения сходно звучащих, но различающихся по морфемному составу и семантике слов, которое становится возможным из-за выделения в них квазиморфов, своего рода эвфонических этимонов. Рассматривая «формульные» корреляции лексем *женщина*, *нежный/нежность*, *нужно* и *жизнь* в 150 фрагментах поэтических текстов конца XVIII — начала XXI в., автор показывает возможности возникновения внутри парадигмы комбинаций, формирующих парасинтаксические предикативные единства, в которых аттрактанты образуют звуковые метонимии и метафоры и расширяют свои исходные значения за счет транслируемых при аттракции дополнительных сем. Слова-аттрактанты при этом превращаются в компоненты сложносоставной номинации некоего объекта или ситуации. Благодаря установлению даже при дистантном расположении аттрактантов логико-семантических отношений предикации каждый из аттрактантов может быть как «определяемым», так и «определяющим», представляя собой пропозициональный компонент. Микропропозициям (*Жизнь это женщина*, *Жизнь это нежность*, *Женщина это нежность*, *Жизни и женщине нужна нежность* и т. п.) соответствует макропропозиция, объединяющая все элементы парадигмы. Анализ, отраженный в статье, подтверждает предположение, что устойчивые паронимические корреляции объединяют не случайные слова, а своего рода мифологемы. В данном случае как мифологемы рассматриваются слова-концепты *женщина*, *жизнь* и *нежность*. Исследование выполнено на материале поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка методами корпусного, семантического, синтаксического, текстового анализа.

Ключевые слова: паронимическая аттракция; паронимические формульные сочетания; лексико-семантическая парадигма; фонический синтаксис; семантические преобразования; образ женщины; поэтический текст.

The article is devoted to paronymic lexical and semantic paradigms and stable combinations of paronyms-attractants that appear in poetic texts, which can be called “formulaic”. The author defines paronymy as a systemic linguistic phenomenon of convergence of words that sound similar, but differ in morphemic composition and semantics, which becomes possible due to the allocation of quasimorphs in them, a kind of euphonic etymons. Considering the “formulaic” correlations of the lexemes *zhenshchina* (‘woman’), *nezhnyy / nezhnost’* (‘tender / tenderness’), *nuzhno* (‘necessary’) and *zhizn’* (‘life’) in 150 fragments of poetic texts of the late 18th — early 21st centuries, the author shows the possibility of occurrence within the paradigm

of combinations that form parasyntactic predicative unities, in which attractants form sound metonymies and metaphors and expand their original meanings at the expense of additional senses transmitted during attraction. At the same time, attractant words turn into components of a complex nomination of a certain object or situation. Thanks to the establishment of logical-semantic relations of predication even with a distant location of attractants, each of the attractants can be both “definable” and “defining”, representing a propositional component. Micropropositions (Life is a woman, Life is tenderness, Woman is tenderness, Life and a woman needs tenderness, etc.) correspond to a macroproposition that combines all the elements of the paradigm. The analysis reflected in the article confirms the assumption that stable paronymic correlations unite not random words, but a kind of mythologemes. In this case, the words-concepts *zhenshchina* (‘woman’), *zhizn’* (‘life’) and *nezhnost’* (‘tenderness’) are considered as mythologemes. The study was carried out on the material of the poetic subcorpus of the Russian National Corpus using the methods of corpus, semantic, syntactic, textual analysis.

Keywords: paronymic attraction; paronymic “formulaic” combinations; lexico-semantic paradigm; phonic syntax; semantic transformations; image of a woman; poetic text.

Предварительные замечания

Связь звука и смысла, иконичность звуковой материи и особый статус, который она обретает в поэтическом тексте, превращаясь в чувственно воспринимаемую, «предметную» реальность, способность звуковых сущностей выделять особые фрагменты поэтической реальности — все это вопросы, которые традиционно стоят перед лингвистической поэтикой и не теряют актуальности и сегодня.

В фокусе внимания все чаще (в том числе и в связи с заимствованием поэтических практик разными типами дискурсов) оказывается паронимическая аттракция (далее — ПА), суть которой — в системном семантическом сближении близкочувственных слов [Быстрова, Левицкий 1973; Григорьев 1979; Векшин 2008; Северская 2015; Guiraud 1967; Gauthier 1973; Valesio 1974; Meul 2013] за счёт выделения в них похожих структурных элементов, называемых квазиморфемами [Невзглядова 1969: 151; Lord 1970: 483]. Любое слово при этом может стать центром паронимических соответствий [Valesio 1974: 1008], образующих лексико-семантическую парадигму, которая в речи способна продуцировать различные свободные знаковые комбинации. Результатом ПА каждый раз становится (на что обращает внимание Е. Г. Лукашанец

[Lukashanec 2018: 185]) индивидуальная номинация одного и того же «нестандартного» денотата с помощью нескольких формально соотнесённых слов стандартного языка.

Попыткой исчисления возможных общеязыковых квазиморфемных соответствий стали «Материалы к словарю паронимов» В. П. Григорьева, Н. А. Кожевниковой и З. Ю. Петровой [Григорьев и др. 1992]. При этом в дальнейшем учёными был отмечен факт «особой устойчивости» отдельных лексических пар внутри паронимических гнезд [Кожевникова, Петрова 2009: 411]. Устойчиво воспроизводимые сопоставления аттрактантов, повторяющиеся в различных текстах разных авторов, будем называть «формульными». Некоторые из паронимических «формул» — а именно, *город, гора, дорога* и *дом, дым, дума* [Северская 2018] — уже были описаны.

Цель статьи — рассмотреть семантико-синтаксические процессы, свойственные ПА, на примере одной из «формульных» парадигм: *женщина – жизнь – нежность – нужность*. Существующие представления об особом «фоническом» синтаксисе [Кожевникова 1981: 182; Cohen 1966: 220], благодаря которому даже при рассеянном, дистантном звуковом повторе смысловые связи между соотносимыми словами имитируют связи синтаксические, создавая отношения предикации, позволяют представить эту парадигму и как знак некой референтной ситуации, и как модель определённого «положения дел», и как «свёртку» полипропозитивной структуры, в которой каждый из паронимов возможно рассматривать как пропозициональный компонент, т. е. смысловую единицу, способную самостоятельно составить высказывание о том или ином аспекте называемого «положения дел». Эту гипотезу можно подтвердить анализом конкретных реализаций рассматриваемой «формульной» парадигмы в поэтических текстах.

Исследование было выполнено на материале поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ: www.ruscorpora.ru), включающего тексты конца XVIII — начала XXI в., с использованием методов корпусного, семантического, семантико-синтаксического и текстового анализа.

Состав парадигмы и структурные характеристики аттрактантов

Картотеку исследования составили 150 фрагментов поэтических текстов, в которых встретились аттрактанты *женщина, нежность, нежная, нежна, нужно, нужен, нужна*; в нескольких случаях этот ряд был дополнен аттрактантом *жизнь*.

Корреляция именно этих лексем обладает устойчивостью [Григорьев и др. 1992: 257, 267], поскольку обусловлена исчисляемыми системными соответствиями консонантных квазиоснов паронимов. Консонанс связывает, прежде всего, корни аттрактантов, которые являются основными носителями смыслов, передаваемых от слова к слову. В корреляции корней *жен-* / *неж-* представлена (в соответствии с классификацией В. П. Григорьева [Григорьев 1979: 251–300]) метатетическая ПА, с расподоблением по вокалическому типу при соотношении с корнем *нуж-*. В корреляции *жен-* / *жизн'* вокалическое расподобление корней осложняется ПА эпентетического типа, поскольку внутрь квазикорня включается еще один согласный. Таким образом, объединяющий корреляты конструкт имеет структуру СГ(С)С и отождествляется в восприятии с нормальной для русского языка корневой морфемой, становясь, по определению Г. В. Векшина [Векшин 2006: 113], «простейшим психологическим и конструктивным, ядерным звеном» звуко-смысловой непрерывности текста.

Паронимическая формула «женщина – нежность»

Как справедливо отмечает М. Ю. Лотман, в ПА вступают не случайные слова, а своего рода мифологемы [Лотман М. 1979: 103]. В случае ПА лексемы *женщина* с теми, что представляют концепт «нежность», фоносемантическое сближение мотивируется характерным для русской языковой картины мира представлением о *нежности* как неотъемлемом качестве *женского* гендера, для которого характерны (в полном соответствии со значением соответствующей лексемы) ласковость, мягкость в обращении, слабость.

Обратившись к НКРЯ, мы легко найдём тому подтверждение в упоминаниях *нежного пола*,

начиная с XVIII в. до наших дней (всего найдено 45 употреблений словосочетания в 36 документах основного, поэтического и газетного корпусов).

В поэзии не так много обращений к *нежно-*му гендеру: *Увы! нет сил мне быть ни в малом вам подобным, Но чувствую себя сие сказать способным, Что сколько нежный пол природой одолжен, Столь миру заслужил, и стал им обожен* (М. И. Попов, «Собрание прелестей, веселия престол...», 1772); *Цвети, о нежный пол! и сыпь на нас цветы!* (Н. М. Карамзин, Послание к женщинам, 1796); *С тех пор как нежный пол смеётся сердца стонам, Амур в моем саду грозит одним воронам* (И. И. Дмитриев, «С тех пор как нежный пол смеётся сердца стонам...», 1810); *Давно разрешено сомненье, Что любопытен нежный пол* (М. Ю. Лермонтов, «Тамбовская казначейша», 1838); *Она хоть нежный пол и ходит в кринолине, Но не уступит прав на кафедру мужчине* (А. И. Фет, «Тебя искал мой стих по всем концах земли...», 1864).

Основной массив примеров представлен в прозе. Так, в «Пересмешнике» М. Д. Чулкова (1766–1768) есть такой пассаж: *Женщины украшали мужчин цветами и, украсив, любовались ими, осызали их, целовали, ласкали и, словом, показывали им все те приятности, коими наградила природа нежный пол женский*, а далее писатель отмечает и «все те слабости, которым подвержен нежный пол». А И. М. Долгоруков в своей «Повести о рождении...» (1799) упоминает «опасности, которой сей нежный пол подвергается с людьми развращёнными», а Т. Г. Шевченко в повести «Капитанша» (1855) рассуждает об «опасном влиянии на нежный пол» бравых гвардейцев. В классической русской литературе можно найти и упоминания о том, как *дамы, нежный пол*, при виде драки в присутствии от испуга падают в обморок и поднимают крик, проявляя свою слабость (М. А. Салтыков-Щедрин, Статьи из «Современника», 1863), или о том, как *нежный пол* «питал элегантную слабость» к шармеровским пиджакам и неустрашимому присутствию духа одного *monsieur*, усмирившего в одиночку бунт (В. В. Крестовский, Панургово стадо, 1869). А. С. Грин в «Жизнеописаниях великих людей» (1913) характеризует устами персонажа *нежный пол* как «самую лакомую сла-

дость». В XX–XXI вв. *нежный пол* становится распространённым синонимом *слабого пола*: *Чесать репы на предмет того, куда пристроить нежный пол, а куда все-таки не следует, военачальникам дозволено до 2016 года* (Комсомольская правда, 2013); и при этом *нежность* приписывается гендеру как мужчинами: *Представительница нежного пола запоминает порой такие твои фразы, которые ты сам не вспомнишь уже через минуту после того, как произнёс* (АиФ, 2003), так и самими женщинами: *И у нас, девушек, есть право хоть раз в году почувствовать себя слабым и нежным полом, прекрасной половиной человечества* (АиФ, 2004).

Эти устойчивые представления о женщинах как воплощении *нежности* (во всех её смыслах) предопределяют возникновение поддержанных ПА отношений предикации как при контактном, так и при дистантном употреблении соответствующих лексем.

Нежность как неотъемлемое качество женщины при контактной ПА представлена в генитивных конструкциях со значением неотторжимой принадлежности: *В форме каждого злого пальчика — Нежность женщины, дерзость мальчика* (М. И. Цветаева, «Ты проходишь своей дорожкой...», 1915), или в сочетаниях с притяжательным прилагательным *женский*: *Есть нежность женская* (А. И. Несмелов, О нежности, 1924).

Контактно в характеризующем значении используется качественное прилагательное *нежный*: *Лик женщины нежной и кроткой* (М. О. Цетлин (Амари), *Смерть невесты*, 1906); *На старом бульваре, под старым каштаном, Где столько дорог человечеством пройдено, Легко ль очутиться бездомным, беситанным, Без женщины нежной и даже без родины?* (П. Г. Антокольский, *Новогодняя кинохроника*, 1938); *Не смогла ты холодным блеснуть метеором, Слишком женщиной, нежной и теплой, была ты* (Н. М. Коржавин, «Ты сама...», 1941); *И нежной женщины крылатая рука Вдруг позовет ребенка...* (Ю. П. Мориц, *Встреча*, 1979). Прилагательное в краткой форме может использоваться в позиции предиката контактено (*Женщина нежна*), однако в рассмотренном материале появляется на некоторой дистанции, поддерживаясь структурно-синтаксическими отношения-

ми и характеризуя женщину-субъект: *О как была нежна и хороша Та женщина, чей дух передо мной* (Ю. П. Кузнецов, «Задумавшись, я был ни тут, ни там...», 1993).

Наречие *нежно* связано контактеной ПА с существительным *женщина*, однако используется как квалификатор действий субъекта: *И в небесах гудит пропеллер, Но нежно женщины страны Поют теперь, как прежде пели, Святые песни старины* (А. И. Несмелов, *Как на Россию непохоже*, 1940), и в приведённом контексте контакт двух аттрактантов позволяет рассматривать их как единую номинацию денотата «женская нежность / нежная женственность», в сравнении с денотатом «грубая жестокость», представляющим реальность.

Женщина может быть как субъектом, так и объектом *нежности*: *Есть нежность женская, она всегда лукава, Кошачья в ней и вкрадчивая лесть. <...> Есть нежность к женщине. Она на сердце ляжет, Когда в пути, руке твоей отдав Свою всю слабость и свою всю тяжесть, Обнимет сил лишующий удав* (А. И. Несмелов, О нежности, 1924), здесь ПА в сопоставлении женской и мужской *нежности* проявляет признак ‘сила в слабости’. «Двойная» *нежность*, чувство, связующее влюблённых, характеризует женщину в субъектно-объектной позиции: *Он любил: Он нежной женщине нежнейшим другом был* (Н. М. Карамзин, *Послание к женщинам*, 1796); в некоторых случаях краткое прилагательное в позиции предиката соотносится с *мы* инклюзивным, объединяющим *я* и *ты*: *В те минуты мы особенно нежны И женщина нам кажется мучительно красивой, Когда душе предчувствия ясны Неотвратимого разрыва* (А. Б. Мариенгоф, «В 0.30 отходит курьерский...», 1939), и всё же, благодаря контактеной ПА, именно женщина воспринимается как носитель «эталонного» качества ‘быть нежным’.

Этим объясняется множество сравнительных конструкций, среди которых доминируют те, в которых используются простая и превосходная степени сравнения прилагательного *нежный* и наречия *нежно*. В этом случае возможно сравнение «эталонной» женщины с другими: *И снилась женщина, нежнее, чем сестра, Истомные глаза*

и голос детски-свежий (Г. В. Голохвастов, *Одиночество*, 1903), а женщина может быть как предметом сравнения: *И вы, о женщины, нежнее вешних роз, Над птицей раненой ручьи прольёте слез...* (П. Д. Бутурлин, *Ad multas*, 1880); [о музе поэта] *По октябрю, по болдинской аллее / уходит вдаль, слезы не обронив, — / Нежнее женщин и мужчин вольнее, / чтоб заплатить за тех и за других* (Б. А. Ахмадулина, «Теперь о тех, чьи детские портреты...», 1973), так и его образом: *Смотрели лани кроткими глазами На женщину, нежнее, чем оне...* (В. А. Меркурьева, «За лепестки, что как улыбки были...», 1928); *Плачешь ты и просишь ты о многом, И не знаешь, что мечта твоя Как невеста медлит за порогом Твоего земного бытия. Переступишь — и к тебе прижмётся, Самой нежной женщины нежней...* (Д. И. Кленовский, «Плачешь ты...», 1948). При этом нежность мыслится признаком сравнения: *Хрупкие кости (Нежнее сахара) Весёлых женщин И романтических мальчиков* (В. Блаженный, «Вселенная перемалывает жерновами смерти...», 1941), здесь ПА как бы «удваивает» признак сравнения: *кости — нежнее сахара, нежнее женщин*, в первом случае в образе сравнения *сахар* акцентируются семы 'белый' (при имплицитном, но очевидном сравнении *кости белее сахара) и 'нежный, сладкий', а потенциально и 'слабый' (сахар легко растворяется, теряя свою твёрдость и крепость), именно эти семы доминируют в значении привлечённого к сравнению паронима-аттрактанта *женщина*. Достаточно в изученном материале и конструкций с маркером сравнения *как*, в них *женщина* — образ, а *нежность* — приписываемый предмету признак сравнения: А. Б. Мариенгоф, например, упоминает *руки царя Ирода Нежные, как женщина на заре* («Руки царя Ирода...», 1919); у Д. Л. Андреева найдем образ *нежной, как женщина, луны* («Лунная мелодия», 1950). Встречаются и метафоры-сравнения, выраженные творительным падежом: *Нежным телом волна — / гордой женщиной саги и эдды — / обвивает утёс, обладаньем сильна / и взволнована счастьем победы* (А. В. Фотинский, *Гибель Гельгоlanda*, 1929).

Особый интерес представляют случаи дистантной ПА, которая тем не менее формирует

представление о неразрывной связи *женщины* и *нежности*.

Образ *женщины* кристаллизуется из *нежности*, разлитой в природе, — тем самым связывается макрокосм и микрокосм, а ПА порождает сравнение, образ *дождя, нежного как женщина: Бьет древний, нежный, холодный дождь / И в женщинах шум звонкий роиц* (В. А. Моница, *Весна-река*, 1925–1926), или в окружающем человека мире: *В нежном свете гаснущего газа мелькают женщины, как летучие мыши* (И. Г. Эренбург, «В нежном свете...», 1913).

Знаком присутствия *женщины* не только в пространстве и предметном мире, но и во времени могут быть «нежности», то есть *нежные* чувства и эмоции: *Пусть этот чайник ясный, В час нежный отразит Лик женщины прекрасной И алый цвет ланит* (В. Я. Брюсов, *Китайские стихи*, 1914); *боль нежнейшую* ассоциирует при дистантной ПА с каждой из *женщин* В. И. Нарбут (*Самое*, 1916). *Нежность* чувств (сердца) и души может быть как манифестацией женской сущности: *Женщина вся в нежном сердце и в мягкости линий, Женщина вся в чистоте, в непорочности чувства* (К. К. Случевский, *Мои желанья*, 1860), так и обманутым ожиданием, если в женщине отмечается (в противовес мужской) «нулевая нежность», делающая её «ненастоящей», ненужной: *Я всегда хотел, чтоб сердце меньше билось в чувствах нежных и простых, Что ж ищу в очах я этих женщин — Легкодумных, лживых и пустых!* (С. А. Есенин, «Может, поздно, может, слишком рано...», 1925).

Таким образом, ПА, даже при дистантном расположении аттрактантов, иконически указывает на *женщину* и *нежность* в их единстве, обозначая некоторую сущность поэтического мира и порождая, благодаря возникающим отношениям предикации, серию высказываний о ней: «Женщина есть нежность», «Нежность есть проявление женщины», «Нежность — особое женское качество», «Женщина есть эталон нежности», «Женщина есть нежности, то есть поступки и слова, выражающие нежные чувства», «Существуют нежность женская и нежность мужская», «Женщина дарит и получает нежность» и т. п.

Паронимическая формула «нежный, нежно, нежность – нужно»

Нежность называется *нужной*, прежде всего, как воплощение высокого, божественного: *Попечение об нас божие коль нежно, Видишь, сколь нужен солнечный нам в свете свет* (В. К. Третьяковский, Феофтия, 1750), которое, однако, может не быть востребовано: например, О. А. Седакова упоминает *избыток дареного, нежного, уже не нужного света* (Земля, 1987–1990), подкрепляя формульную ПА консонансом (уже не), созвучным каждому из объединяемых аттракцией квазиморфов.

Синонимизируются и *нежность* и «*нужность*» в их земных воплощениях, называя оттенки качеств, связанных причинно-следственными отношениями: *От нежных драм, <...> От нужных чудакам Отеллам драм, Весёлый странник, обратись к дверям...* (М. А. Тарловский, *Весёлый странник*, 1935); *Друг любимый, драгоценный, безупречный, Милый-милый, бедный — нежный! — нужный друг* (Д. Кнут, «Раскололось наше счастье, размололось...», 1938); *Я был тогда нежней, Я был тогда себе нужней, А нынче стал нужней другим* (Д. Самойлов, «Как поумнел я с той поры...», 1957). Порой даже сообщается о *нужном — нежно*: *И сказал-пропел, окарин нежней: «Вам оно нужней!»* (А. И. Несмелов, «Кто из жизни в смерть перекинет мост?», 1924–1945). Часто ПА подкрепляется рифмой, и постановка аттрактантов в семантически сильную позицию [Григорьев 1979: 148] связывает их отношением предикации (*нежность*_s *нужна*_p) вне зависимости от реальных синтаксических связей в тексте: *Сеча теменью по темени — как мачеха нежна, / и отдал бы башку, да самому нужна* (О. Г. Чухонцев, *Осажденный*, 1960).

Как правило, утверждается *нужность нежности/нежностей*: *Мне все понятно: этот нежный час И что для счастья нужно очень мало* (Ф. Дмитриева, *Снежный поцелуй*, 1940). Но и *ненужная нежность* встречается часто: *Я совету удивилась И на друга рассердилась, Что глаза его нежны: «И на что вы мне нужны?»* (А. А. Ахматова, *Сказка о черном кольце*, 1917); *Дети, как цветы, нежны, Цветы бойцам не нужны* (М. М. Шкапская, «Как камню идти ко дну...», 1925); *Что мне сила моя, что моя бесполезная нежность — Мне она не нуж-*

на, потому что тебе не нужна (Л. А. Алексеева, «Пахнет горькой водой и медузами...», 1964). Более того, *нежность* иногда трактуется как причина *ненужности*: *Ты мать и мачеха, для кого когда, А для меня была так всегда нежна, Что я самой себе стала не нужна* (А. А. Галич, *Песня-баллада про генеральскую дочь*, 1966).

Особо отметим те контексты, в которых *нежность* подразумевает присутствие в поэтической ситуации *женщины, хотя её образ не эксплицирован соответствующей лексемой, а угадывается благодаря другим его словесным знакам (например, местоимениям *вы, ты*) или ассоциациям: *Мы / теперь / к таким нежны — / спортом / выпрямишь не многих, — / вы и нам / в Москве нужны, / не хватает длинноногих* (В. В. Маяковский, *Письмо: Татьяне Яковлевой*, 1928); *Ведь только ты одна всегда, всегда нежна, В печальной осени душе всегда нужна* (И. Северянин, *Ведь только ты одна!* 1929).

Так, ПА выявляет амбивалентность «*нужности*» *нежности*, ассоциируя её с *женщиной* в пропозициональной форме «*Нежность (женщина)_s нужна / не нужна_p*».

Паронимическая формула «женщина – нужно»

В этом сегменте формульной парадигмы конкретные случаи ПА различаются, прежде всего, синтаксически. И, как ни странно, семантически они чаще отражают ту или иную «ненужность».

У М. Ю. Лермонтова найдем разность представлений о том, что *нужно* мужчинам (*здоровье и не мешкать*) и женщинам (*Парни питомец нежный*) («Девятый час уж...», 1832), у С. Е. Нельдихена — утверждение: *Любви, положим, теперь нет. Но всё равно, женщине теперь нужно одно: Забыться* (Праздник, 1920), здесь *забыться* значит предаться (возможно, нежным) грезам. Итак, можно предположить: *женщине нужна нежность*. Впрочем, в картотеке исследования есть пример вполне материальных женских желаний: Н. И. Глазков (*Одиночество*, 1950) полагает, что *женщинам* (как и всем) *нужны* *автомобили, трактора и швейные машины*.

Что же *не нужно* женщинам? Книги

(И. А. Крылов, К другу моему, 1778), *объяснения* (П. А. Вяземский, К друзьям, 1814–1815), *третий* в любовном треугольнике (Д. Самойлов, Беатриче, 1985), *огромный мир* (В. Блаженный, «Трепещущая плоть женщины...», 1990).

Часть корреляций затрагивает непростые отношения женщин и мужчин: *Но, женщины, у вас каприз один: Вам нужны те, которым вы не нужны* (А. А. Фет, Откровенность, 1840) — здесь ПА акцентирует амбивалентность (не)нужности; *Мне нужна не женщина, мне нужна лишь тема* (А. Н. Вертинский, Полукровка, 1930) — в этом случае речь, скорее, не о женщине, а о её нужной духовной и не нужной телесной ипостаси, что подразумевает имплицитная ПА тема 'идея' — *тело; и в этих отношениях залогом нужности может стать подразумеваемая обоюдная нежность (в следующем примере с ней ассоциируются любимые по ночам женщины и, соответственно, *нежности): *Кому еще нужны мы, кроме / любимых женщин по ночам?* (Г. С. Семенов, Другу, 1962). Вместе с тем, ненужность мужчины становится своего рода тестом на женственность: *Пусть дней немало вместе пройдено, Но вот — не нужен и чужд, Ведь вы же женщина — о Родина!* (А. И. Несмелов, Переходя границу, 1931).

Как можно заметить, ПА создает следующие пропозициональные смыслы: «Женщина нужна / не нужна», «Нежность нужна женщине», «Женщине не нужно ничего, кроме нежности».

Паронимическая формула «жизнь – нежное, нежность»

ПА в этом сегменте наиболее частотна: в поэтическом подкорпусе НКРЯ обнаружилось 78 примеров (почти половина от общего числа) корреляций лексемы *жизнь* с именованиями разного рода «нежностей».

При контактной ПА *нежное* принадлежит *жизни*: *Как всё это нежно в жизни, Как это в природе грубо!* (Н. Н. Ушаков, 1931), а *жизнь* либо погружается в *нежность*: *опасностей те не встречают, Коих вся в нежности жизнь протекает* (Г. Р. Державин, Пиндарова олимпийская первая песнь, 1805), либо идет с ней бок о бок: *на дыбе нежность, жизнь на плахе* (С. И. Кирсанов, Эдем,

1945). *Жизнь* и сама характеризуется как *нежная*: например, у В. И. Иванова *вне времени, пределов и пространств / плывёт и жизнью нежной дышит / душа* (Дриады, 1904); *милые обличья жизни нежной* упоминает В. Я. Брюсов (Лишь миги, 1921). Даже на некоторой дистанции, благодаря формальной субъектно-предикатной синтаксической структуре аттрактанты кажутся неразрывно связанными: *О, как нежна, как упоительна Жизнь мотыльков!* (В. В. Гофман, Мотыльки, 1902); *Жизнь оправдается, нежна и синеока* (А. С. Кушнер, «В отчаянье или в беде...», 1990); *Пусть трепещет мгла и бездна в глубине, где жизни влага — Нежнее памяти, которая плывет Во сне волнами...* (Ю. П. Мориц, «Нежнее памяти, которая во сне...», 2008).

ПА связывает и *жизнь* с её *нежными* проявлениями-атрибутами в олицетворяющих генитивных метафорах: *нежный ропот жизни* встречается у Н. М. Минского (Мелодия, 1907), *нежный жизни шелест* у Ю. П. Мориц (Ничтожный повод, 1986); *жизни нежный гений* у К. Д. Бальмонта («Уходят дни...», 1893), *жизни нежное дыхание* у А. П. Платонова (Вечер после труда, 1919), *жизни нежный волосок* у С. В. Петрова (Агностицизм, 1933), *жизни нежное начало* у А. С. Присмановой («Нежнейших чувств дано нам только пять...», 1933), *линия нежная жизни* у И. В. Чиннова («Эта нежная линия счастья...», 1965) и др.

Жизнь может *нежно* проявлять себя, совершая какие-то действия: *Я ждал, что вспыхнет впереди Заря и жизнь свой лик покажет И нежно скажет: «Иди!»* (Ф. К. Сологуб, «Я ждал...», 1892); *Заслонив свечу рукою, Снова вижу, как во мне Жизнь рубиновою кровью Нежно светит на огне* (И. А. Бунин, При свече, 1906). *Жизнь* проявляется и в *аркадских песнях нежных* (Н. М. Карамзин, Лавиния, 1789), *в восторге нежном сердец* (В. В. Капнист, Ода на счастье, 1792), *в дружбе нежной* (Н. А. Львов, «Сердце, счастьем растворённо...», 1796), *в страсти нежной и сердце нежном* (Е. П. Растопчина, «Была весна...», 1848), то есть в основном в *нежных* чувствах, эмоциях, отношениях.

Нежность может восприниматься и как отблеск угасающей *жизни* — в природе: *Утро поднимется выше и за город выйдет, / и останется от*

жизни лишь нежно-противная пестрядь (С. В. Петров, Рынок, 1940), и в человеке (о чем речь пойдет еще дальше). *Жизнь* при этом как оживляет нежность: *жизнь* <...> *в лице прекрасном, юном, нежном* (Г. Р. Державин, Провидение, 1794); *Ах, это нежное лицо, И эта жажда жизни смелой...* (М. А. Кузмин, Вступление, 1924), ср. *Поцеловал он нежные ланиты — И краски жизни им возвращены* (М. Ю. Лермонтов, Измаил-бей, 1832), так и (в редких случаях) стирает её с лиц: *Наши нежные лица от прожитой жизни черны* (А. П. Цветков, «Надвигается вечер...», 1978). И в таких случаях можно говорить о том, что ПА «стягивает» аттрактанты, придавая цельнооформленность олицетворяющей жизнь антропоморфной метафоре (*нежное лицо / нежные ланиты жизни*).

Довольно много связанных ПА компаративных тропов, где *жизнь* — это и предмет сравнения: *Людская жизнь течёт, Как нежный, снежный, краткий Сквозной водоворот* (А. Белый, Зима, 1908); *жизнь* <...> как *воздух нежный, земляничный* (П. Н. Васильев, Христовские ситцы, 1935); *О, до чего эта жизнь хороша и сладка, Шёлка нежней, бархатистого склона покаты!* (А. С. Кушнер, Пчела, 1980), и образ сравнения для чего-то нежного: *Тихий, бурный, нежный, стройно-важный, Ты — как жизнь* (К. Д. Бальмонт, Воззвание к Океану, 1903); *нежные стихи — сгоревшей жизни прах* (Г. А. Шенгели, Февраль, 1926). Паронимы-аттрактанты встречаются и в сложных образах, указывая на один денотат: *Ведь рифмы — это грустной жизни розы, Моя любовь — их нежный аромат* (Т. Л. Щепкина-Куперник, Тебе, 1901) — ПА имплицитно сравнение нежность жизни — аромат роз, *Отпылало лёгкой жизни пламя, Нежный мир испепелён* (О. Э. Мандельштам, Неизвестному солдату, 1925) — здесь ПА образует номинацию нежный мир жизни.

Наконец, аттрактанты нежность и жизнь в некоторых случаях вступают в потенциальную ПА с представленной имплицитно (на что указывают контекстуальные синонимы) лексемой *женщина: например, *милую называет жизни спутницей и нежною подругой* К. П. Масальский (Последние средства, 1828), ср.: *Пойдем, мой нежный*

друг, — Там жизнь, цветы и аромат у И. О. Ляличкина (Серенада, 1891).

Возникающая при ПА предикация позволяет вывести суждения: «Жизнь есть нежность», «Нежность есть проявление жизни», а общий компонент нежность, связывающий две формулы, и суждение «Женщина есть жизнь».

Контексты, отмеченные многокомпонентной формульной ПА

Исследование позволило обнаружить контексты, в которых встречаются все или многие компоненты рассматриваемой формульной парадигмы.

Например, в «Послании женщинам» Н. М. Карамзина (1796) *нежная женщина* приносит *цвет жизни*, а в *жизни нежные души* (к *нежнейшей женщине* присоединяется ее *нежнейший друг*) оказываются по воле поэта в *хижине* (и нельзя в этой связи не вспомнить о «рае в шалаше с мылом»). *Женщина*, таким образом, воплощает и *жизнь*, и *нежность*.

Лирическому герою стихотворения «Мои желания» К. К. Случевского (1860) *нужны женщина вся в нежном сердце и *нежности — ясные очи* <...> и *подчас поцелуи*, именно с ними ассоциируется *жизнь*. *Жизнь* тем самым состоит в *нужности женщины и нежности* (или *женской нежности*).

В стихотворении Т. Л. Щепкиной-Куперник «У могилы Чехова» (1912) даже при дистантном расположении аттрактанты формируют звуковой образ: *Он с нами навсегда: <...> И в нежной девушке в задумчивости взгляда, И в скорбной женщине с надломленной душой, <...> И будет жизнь ещё прекрасной и святой!* — ПА позволяет выделить «свёртку» образа и актуализировать пропозицию «В нежной женщине — жизнь».

В «Буре» М. Л. Михайлова (1855) появляется *прекрасная / большая женщина, / нежно-прозрачная*. В проекции на болезнь нежность (пусть и *прозрачная*, а потенциально при имплицитной ПА и *призрачная) ассоциируется с проблемами *жизни в женщине* (эта ассоциация поддерживается устойчивостью корреляций *жизнь-нежность* и *женщина-нежность*). Вместе с тем определённый оттенок к подобной интерпретации

добавляет сопоставление с «Расставаньем» Д. Самойлова (1966): *Расставанье, Мне уже не нужно, Стонешь ты, как женщина недужная, Где-то за туманной пеленой* — здесь ПА позволяет охарактеризовать недужную женщину (больную) как *недужную*, в полном соответствии с народной мудростью, согласно которой «нужна жена здоровая».

Заключение

Рассмотренная парадигма паронимов-аттрактантов, безусловно, может быть названа устойчиво воспроизводимой как в отдельных идиолектах, так и в поэтическом языке в целом на протяжении трёх веков развития русской поэзии. «Формульность» ПА в ней определяется как её неизменностью, так и способностью кратко и точно выражать определённые представления об именуемых аттрактантами сущностях и продуцировать суждения, напоминающие математические формулы-уравнения.

Паронимические формулы позволяют определить концепты-мифологемы «жизнь», «женщина», «нежность» благодаря установлению даже при дистантном расположении аттрактантов логико-семантических отношений предикации. При этом каждый из аттрактантов может быть как «определяемым», так и «определяющим», в зависимости от принятой интерпретатором текста точки зрения и избранного фокуса контраста. Микропропозициям, которые в большинстве своём уже были приведены в ходе анализа, соответствует макропропозиция, объединяющая все элементы парадигмы: «Женщина (S) есть жизнь (P1), нежность (P2) и нужность (P3)». Она может трансформироваться и расширяться и за счёт новых комбинаций элементов формульной парадигмы, и за счёт привлечения к ПА новых номинаций, варьирующих базовую консонантную квазиоснову.

ЛИТЕРАТУРА

- Быстрова, Левицкий 1973 — Быстрова Л. В., Левицкий В. В. Фонетическое сходство семантически связанных слов. *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. 1973 (26, 6): 501–601.
- Векшин 2006 — Векшин Г. В. *Очерк фоностилистики текста: звуковой повтор в перспективе смыслообразования*. М.: МГУП, 2006. 462 с.
- Векшин 2008 — Векшин Г. В. Метафония в звуковом по-

вторе (к поэтической морфологии слова). *Новое литературное обозрение*. 2008, (90): 229–250.

Григорьев 1979 — Григорьев В. П. *Поэтика слова*. М.: Наука, 1979. 343 с.

Григорьев и др. 1992 — Григорьев В. П., Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. *Материалы к словарю паронимов русского языка*. М.: ИРЯ РАН, 1992. 293 с.

Кожевникова, Петрова 2009 — Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю. О словарном описании паронимии. В кн.: Кожевникова Н. А. *Избранные работы по языку художественной литературы*. М.: Знак, 2009. С. 409–412.

Невзглядова 1969 — Невзглядова Е. В. Явление семантического осложнения в поэтической речи. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. 1969 (28, 2): 148–154.

Северская 2015 — Северская О. И. Паронимическая аттракция как феномен межуровневого взаимодействия в языке и тексте. В кн.: *Основные тенденции развития поэтического языка в XX–XXI вв.* Фатеева Н. А. (отв. ред.). М.: ИЦ «Азбуковник», 2015. С. 20–107.

Северская 2018 — Северская О. И. Паронимические формулы в словарях поэтического языка и идиолектах поэтов XX–XXI вв. В сб.: *Современные проблемы авторской лексикографии*. Шестакова Л. Л. (отв. ред.). М.: ИРЯ РАН, 2018. С. 268–280.

Cohen 1966 — Cohen J. *Structure du langage poétique*. Paris: Flammarion, 1966. 233 p.

Gauthier 1973 — Gauthier M. *Les équations du langage poétique*. Lille: Ed. Univ. de Lille, 1973. 624 p.

Guiraud 1967 — Guiraud P. *Structures étymologiques du lexique français. Langue et langage*. Paris: Larousse, 1967. 211 p.

Lord 1970 — Lord R. A new concept in structural semantics. The homoneme. В кн.: *Actes du X-e Congrès International des Linguistes*. Vol. II. Bucarest: Éditions de l'Académie de la Roumanie, 1970. P. 433–441.

Lukashanec 2018 — Lukashanec A. G. The Explicit and Implicit in the Sociolectal Nomination. В кн.: *The Explicit and the Implicit in Language and Speech*. Liashchova L. (ed.). Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2018. P. 179–189.

Meul 2013 — Meul C. Variable conditioning of a morphological mechanism. В кн.: *The Boundaries of Pure Morphology. Diachronic and Synchronic Perspectives*. Cruschina S., Maiden M., Smith J. Ch. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 68–94.

Valesio 1974 — Valesio P. Paronomasia and the articulation of phonological rules. В кн.: *Proceedings of the XI Int. congress of linguists*. Bologna: Società ed. il Mulino, 1974. P. 1006–1016.

REFERENCES

- Быстрова, Левицкий 1973 — Bystrova L. V. Levitskiy V. V. Phonetic similarity of semantically related words. *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*. 1973 (26, 6): 501–601. (In Russian)
- Векшин 2006 — Vekshin G. V. *An essay on phonostylistics of the text. Sound repetition in the perspective of meaning formation*. Moscow: MGUP Publ., 2006. 461 p. (In Russian)
- Векшин 2008 — Vekshin G. V. *Metaphony in sound repetition*

(to the poetic morphology of the word). *Novoye literaturnoye obozreniye*. 2008, (90): 229–250. (In Russian)

Григорьев 1979 — Grigor'iev V. P. *Poetics of the word*. Moscow: Nauka Publ., 1979. 343 p. (In Russian)

Григорьев и др. 1992 — Grigor'iev V. P., Kozhevnikova N. A., Petrova Z. Iu. *Materials for the dictionary of paronyms of the Russian language*. Moscow: Russian language institute of RAS Publ. 292 p. (In Russian)

Кожевникова, Петрова 2009 — Kozhevnikova N. A., Petrova Z. Iu. On the lexicographic description of paronymy. In: Kozhevnikova N. A. *Izbrannyye raboty po iazyku khudozhestvennoy literatury*. Moscow: Znack Publ., 2009. P. 409–412. (In Russian)

Невзглядова 1969 — Nevzglyadova E. V. The phenomenon of semantic complication in poetic speech. *Izvestiya AN SSSR. Ser. literatury i iazyka*. 1969 (28, 2): 148–154. (In Russian)

Северская 2015 — Severskaya O. I. Paronymic attraction as a phenomenon of interlayer interaction in language and text. In: *Osnovnye tendentsii razvitiya poeticheskogo yazyka v XX–XXI vv.* Fateeva N. A. (ed.). Moscow: Azbukovnik Publ., 2015. P. 20–107 (In Russian)

Северская 2018 — Severskaya O. I. Paronymic formulas in dictionaries of poetic language and idioms of poets of the XX–XXI centuries. In: *Sovremennyye problemy avtorskoj leksikografii. Sbornik nauchnykh statej*. Shestakov L. L. (ed.). Moscow: RLI of RAS Publ., 2018. P. 268–280. (In Russian)

Cohen 1966 — Cohen J. *Structure du langage poétique*. Paris:

Flammarion, 1966. 233 p.

Gauthier 1973 — Gauthier M. *Les équations du langage poétique*. Lille: Ed. Univ. de Lille, 1973. 624 p.

Guiraud 1967 — Guiraud P. *Structures étymologiques du lexique français. Langue et langage*. Paris: Larousse, 1967. 211 p.

Lord 1970 — Lord R. A new concept in structural semantics. The homoneme. In: *Actes du X-e Congrès International des Linguistes*. Vol. II. Bucarest: Éditions de l'Académie de la Roumanie, 1970. P. 433–441.

Lukashanec 2018 — Lukashanec A. G. The Explicit and Implicit in the Sociolectal Nomination. In: *The Explicit and the Implicit in Language and Speech*. Liashchova L. (ed.). Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2018. P. 179–189.

Meul 2013 — Meul C. Variable conditioning of a morphological mechanism. In: *The Boundaries of Pure Morphology. Diachronic and Synchronic Perspectives*. Cruschina S., Maiden M., Smith J. Ch. (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 68–94.

Valesio 1974 — Valesio P. Paronomasia and the articulation of phonological rules. In: *Proceedings of the XI Int. congress of linguists*. Bologna: Società ed. il Mulino, 1974. P. 1006–1016.

[хроника]

МЕТОДИЧЕСКИЙ СЕМИНАР ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ-РУСИСТОВ СОСТОЯЛСЯ В ВЕНГРИИ

19 ноября в Российском культурном центре прошёл методический семинар для венгерских преподавателей-русистов с участием руководства Венгерской ассоциации преподавателей русского языка и литературы и коллег из Российского университета дружбы народов (г. Москва).

Состоялась презентация национально-ориентированного учебно-методического комплекса «Мост дружбы. Учим русский самостоятельно и на уроке», разработанного совместным российско-венгерским коллективом авторов — специалистов из Российского университета дружбы народов и Венгерской ассоциации преподавателей русского языка и литературы.

Учебник адресован венгерским студентам и школьникам, начинающим изучать русский язык и может быть использован при смешанном и дистанционном обучении. Соавторы пособия с российской стороны — доктор педагогических наук, профессор Ольга Ивановна Руденко-Моргун и кандидат педагогических наук, доцент Алла Леонидовна Архангельская приняли участие в обсуждении методических вопросов в онлайн-формате, продемонстрировали типы заданий и рассказали о методике использования печатного и цифрового контента учебника «Мост дружбы»

при смешанном обучении. Было подчеркнуто, что благодаря технологическим решениям учебный комплекс представляет собой модель, на основе которой могут быть разработаны другие национальные учебники. Профессор, кандидат филологических наук, Мария Янкович и кандидат педагогических наук, профессор Светлана Хамшовски, принявшие участие в разработке учебно-методического комплекса с венгерской стороны, обратили внимание присутствующих на актуальность печатного и электронного изданий для молодёжи, изучающей русский язык в Венгрии.

Старший преподаватель РУДН Ольга Михайловна Кутсони в очном режиме поделилась опытом организации педагогического взаимодействия в онлайн-среде, проектирования онлайн-урока по РКИ, а также методическими приёмами обучения русской грамматике в очном и онлайн-форматах. В завершение провела мастер-класс для изучающих русский язык с использованием видеосюжетов о том, как молодые люди проводят свободное время и о студенческой жизни в России.

21 ноября для студентов Будапештского экономического университета прикладных наук Ольга Михайловна Кутсони провела занятие по теме «Маркетинг и реклама».